

Казаков Александр Алексеевич
Заведующий кафедрой уголовного права, криминологии
и уголовного процесса Екатеринбургского филиала
Московской академии Следственного комитета имени
А. Я. Сухарева
a.a.kazakov.cp@gmail.com

**ЧАСТЬ 2.2 СТАТЬИ 27 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЕЛЛА ВНОСИТ ДИСБАЛАНС
В МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Аннотация. Опираясь на ряд суждений профессора Л. М. Володиной, автор анализирует относительно новое правило прекращения уголовного преследования в случае истечения сроков давности при наличии возражений со стороны подозреваемого или обвиняемого, предусмотренное в ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Констатируется, что законодатель существенно отступил от подхода, предложенного ранее Конституционным Судом РФ применительно к рассматриваемой ситуации. Приводятся примеры, иллюстрирующие сложность восприятия новеллы. Делается вывод, что эта норма негативно сказывается на возмещении потерпевшим вреда, причиненного преступлением. Фактически введена санкция в адрес следователя, дознавателя, затянувших ход предварительного расследования. Однако такая санкция не всегда имеет объективное обоснование. Ввиду этого необходимым видится внесение изменений в данную норму уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: потерпевший, возмещение вреда, истечение сроков давности, непричастность, прекращение уголовного преследования

Kazakov Aleksandr Alekseevich
Head of the Department of Criminal Law, Criminology and
Criminal Procedure of the Yekaterinburg Branch of the
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

**PART 2.2 OF ARTICLE 27 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE NOVEL INTRODUCES
AN IMBALANCE IN THE MECHANISM OF ENSURING THE RIGHTS
OF THE VICTIM IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS**

Abstract. Based on a number of judgments by Professor L.M. Volodina, the author analyzes a relatively new rule for terminating criminal prosecution in the event of the expiration of the statute of limitations if there are objections from the suspect or the accused, provided for in Part 2.2 of art. 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is stated that the legislator has significantly deviated from the approach proposed earlier by the Constitutional Court of the Russian Federation in relation to the situation under consideration. Examples are given to illustrate the complexity of the novel's perception. It is concluded that this norm negatively affects the compensation of victims for the harm caused by the crime. In fact, a sanction has been imposed on the investigator, the inquirer, who delayed the course of the preliminary investigation. However, such a sanction does not always have an objective justification. In view of this, it is necessary to amend this provision of the criminal procedure law.

Key words: victim, compensation for harm, expiration of the statute of limitations, non-involvement, termination of criminal prosecution.

Истинный мыслитель всегда ясно видит проблемы, следуя меткому афоризму Козьмы Пруtkова: «Зри в корень». Его суждения зачастую актуальны применительно к различным временным периодам. Об этом даже приходится сожалеть, если контуры правоты высказываний автора о недостатках окружающей реальности не теряют отчетливых очертаний сквозь года. В свою очередь обоснованность этих высказываний «неустанно» подтверждают новые примеры. К числу таких мыслителей в области науки уголовного судопроизводства принадлежит известный ученый Людмила Мильтоновна Володина. Обратимся к некоторым озвученным ею тезисам, которые, как представляется, будут своего рода значимой системой координат в разрезе рассматриваемого в настоящей публикации аспекта:

1. История института прекращения уголовных дел в отечественном уголовном судопроизводстве представляет собой череду бесконечных изменений... В настоящее время существуют серьезные проблемы в регламентации его процессуального порядка и практики правоприменения института¹.

¹ Володина Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 74.

2. Для возможности активного использования предоставленных потерпевшему законом прав необходим действенный механизм их обеспечения¹.

3. Инструментом, обеспечивающим реальность возмещения причиненного потерпевшему вреда, должен стать четко и последовательно разработанный институт гражданского иска в уголовном процессе².

Теперь перейдем к новелле — части 2.2 ст. 27 УПК РФ. Введение этой нормы в текст уголовно-процессуального закона — очередное событие в той самой «черере бесконечных изменений», влекущее возникновение дополнительных «серьезных проблем» как в нормативной, так и практической плоскостях. Надо признать, что это изменение было принято во исполнение решения Конституционного Суда РФ³. Вместе с тем перед нами редкий случай, когда законодатель отступил от подхода, заложенного высшим судебным органом, не став его дословно копировать, как это, по общему правилу, традиционно происходит. Без сомнения, выбор такого варианта лежит в сфере полномочий законодателя, однако видится, что предложенный ранее Конституционным Судом РФ алгоритм решения проблемной

¹ Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе: Монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 1999. С. 102–103.

² Володина Л. М. Проблемы реализации прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 05 октября 2018 года / Под ред. А. В. Красильникова. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 103.

³ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 №33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» // СПС «КонсультантПлюс».

ситуации был более сбалансированным, что, пожалуй, позволяло назвать его меньшим злом по сравнению с действующим правовым регулированием.

Напомним, что предметом рассмотрения высшего судебного органа стал прецедент, иллюстрирующий нахождение досудебного производства в патовом состоянии. Причиной тому послужили действия следователя по условному принципу «ни мира, ни войны». В ходе расследования уголовного дела истекли сроки давности, уголовно преследуемое лицо возражало против прекращения по нереабилитирующему основанию, решение о направлении данного уголовного дела в суд для рассмотрения по существу не принималось. Понимая, что подозреваемый, обвиняемый не могут находиться почти вечно в соответствующем правовом положении, Конституционный Суд РФ предпринял попытку филигранно пройти по тонкому канату на пути поиска оптимальной модели процессуального порядка, балансируя между различными публичными и частными интересами. Думается, что попытка оказалась, пускай, не обязательно совершенной, но достаточно успешной. В подобных ситуациях было предложено безусловно прекращать уголовное дело по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (нереабилитирующему основанию!), если оно не передано в суд в течение двенадцати месяцев со дня наступления срока давности уголовного преследования. В свою очередь уголовно преследуемое лицо наделялось возможностью оспорить принятое решение по правилам, предусмотренным ст. 125.1 УПК РФ, добиваясь реабилитации сквозь тернии судебного контроля. Однако правоприменители, не успев разобраться в этом порядке, столкнулись с новым вызовом, обусловленным новаторством правотворцев¹.

¹ См. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13.06.2023 № 220-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В настоящий момент при ранее обозначенных условиях уголовное дело подлежит прекращению в связи с непричастностью подозреваемого, обвиняемого (по реабилитирующему основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Логично, что в таком случае произошел отказ от механизма, заложенного в ст. 125.1 УПК РФ. Одновременно установлен дифференцированный срок максимально возможного досудебного производства с момента истечения сроков давности в зависимости от категории расследуемого деяния — два либо три, либо двенадцать месяцев.

По всей видимости, перед нами санкция в адрес следователя, дознавателя, не сумевших завершить расследование в установленный период. Сторона обвинения, даже если она собрала достаточные доказательства причастности подозреваемого, обвиняемого к содеянному, терпит безоговорочное поражение, подобно шахматисту, хотя и находящемуся в более выгодной позиции, но растратившему игровой лимит времени. Казалось бы, законодатель защитил интересы уголовно преследуемого лица, при этом не сузив комплекс прав потерпевшего. Вместе с тем он ввел процедуру, которая в обозначенных ситуациях затрудняет последнему из данных субъектов путь к возмещению вреда, причиненного преступлением. Допустив достаточно нестандартный подход к регулированию особенностей прекращения уголовного преследования при истечении сроков давности, нормотворец упустил из внимания мысль о необходимости наличия «действенного механизма обеспечения прав потерпевшего». В обозначенной ситуации этот механизм не продуман. Более того, «реальность» возмещения соответствующего вреда может остаться лишь в сфере предполагаемых намерений пострадавшего, не воплотившись в практическую действительность. В случаях прекращения уголовного дела разрешение гражданского иска в уголовном процессе, как известно, нереализуемо. При этом рассматриваемое основание прекращения применяется независимо от того, возмещен ли этот вред. В свою

очередь наличие постановления следователя, дознавателя о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого ввиду его непричастности к преступлению, как видится, не самое лучшее подспорье для удовлетворения требований пострадавшего от криминального деяния в гражданском процессе. Наличие реабилитирующего решения способно породить неоднозначное восприятие произошедших событий в сознании суда, рассматривающего соответствующий вопрос.

Тем более такая неопределенность возникла даже у субъектов, компетентных принимать ответственные процессуальные решения в сфере уголовного судопроизводства. Отметим без преувеличений, что многие практики запутались. В попытке обойти необходимость следовать этой норме они зачастую стали толковать ее в системном единстве с ч. 2.1 ст. 27 УПК РФ, то есть применяя правило только в случае повторного прекращения уголовного преследования¹. Такую взаимосвязь обосновать достаточно сложно, учитывая отсутствие отсылок двух норм друг к другу. Предписания, содержащиеся в соответствующих частях, имеют самостоятельное значение². Указанное толкование — попытка правоприменителя закрыть глаза на суровую нормативную реальность. В настоящий момент тезис о необходимости распространять действие ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ исключительно на повторное прекращение уголовного преследо-

¹ См., например, доводы из представления помощника прокурора в апелляционном постановлении Иркутского областного суда от 09.01.2025 №22-28/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

² Введение ч. 2.1 ст. 27 УПК РФ было обусловлено правовой позицией, сформулированной в ином решении высшего судебного органа — Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.05.2022 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского» // СПС «КонсультантПлюс».

вания судами во внимание не принимается¹, что представляется однозначно обоснованным. Разъяснения о последствиях игнорирования данной нормы даны Верховным Судом РФ².

Примерами окутавшей практиков путаницы стали также случаи, когда, несмотря на принятие ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, применялся отличный от ее содержания порядок, ранее предусмотренный в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 №33-П³. Наконец, встречались прецеденты, когда соответствующей нормой при прекращении уголовного дела стали руководствоваться суды, хотя данная процедура распространяется только на досудебное производство⁴.

Рассматриваемые сложности интерпретации данной нормы — свидетельство ее чуждости в современном механизме обеспечения прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Добавленное законодателем звено вносит дисбаланс в его работу. Неслучайно высказываются суждения о вероятной неконституционности соответствующего положения как в первую очередь неоправданно посягающего на права потерпевшего⁵. Как видно, рассматриваемое предписание, скорее, является не санкцией для следователя, дознавателя, а своеобразным нака-

¹ См., например, постановление Останкинского районного суда г. Москвы от 03.12.2024 №1-950/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например, постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.08.2024 № 77-2714/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например, постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 № 77-3354/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Зенкин А. Неконституционность ч. 2.2 ст. 27 УПК о непричастности к преступлению // Законность. 2024. № 12. С. 56.

занием пострадавшего от уголовного деяния за их нерасторопность. Нет никаких разумных оснований полагать, что он должен нести это бремя в данном случае, учитывая возможность иной правовой регламентации, основанной на базовых условиях, ранее сформулированных высшим судебным органом. Разумно добавить, что зачастую возбуждение уголовного дела происходит по прошествии существенного периода времени с момента совершения преступления по объективным причинам. Одновременно установление обстоятельств многих из не относящихся к тяжким и особо тяжким деяниям требует длительного периода времени. В целом сомнительна предложенная законодателем корреляция между максимально возможным сроком расследования и категорией преступления.

В связи с этим необходимо вернуться к порядку, разработанному Конституционным Судом РФ, поскольку действующий нормативный подход неоправданно сужает возможности возмещения вреда, причиненного преступлением. Соответственно, часть 2.2 ст. 27 УПК РФ требует корректировки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина, Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе : монография / Л. М. Володина. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 1999. — 172 с.
2. Володина, Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям / Л. М. Володина // Судебная власть и уголовный процесс. — 2017. — №1. — С. 74–79.
3. Володина, Л. М. Проблемы реализации прав потерпевшего в уголовном процессе / Л. М. Володина // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 05 октября 2018 года / под ред. А. В. Красильникова. — Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. — С. 101–109.
4. Зенкин, А. Неконституционность ч. 2.2 ст. 27 УПК о непричастности к преступлению / А. Зенкин // Законность. — 2024. — № 12. — С. 53–56.